Engraved by Henry Meyer

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

(Genlis), Мадлен Фелисите Дюкре де Сент-Обен (Ducrest de Saint-Aubin; 25.I.1746, Шансери, близ Отёна, — 31.XII.1830, Париж), графиня, — франц. писательница. Род. в знатной, но обедневшей семье. В 1762 вышла замуж за графа де Жанлис. Воспитывала детей герцога Орлеанского, для к-рых написала неск. дет. книг: «Воспитательный театр» («Théâtre d'éducation», 1780), «Адель и Теодор» («Adegrave;le et Théodore», 1782, рус. пер. 1791), «Вечера в замке» («Les veillées du château», 1784). После казни мужа по приговору революц. трибунала (1793) Ж. эмигрировала. При Наполеоне вернулась во Францию, где обучала его «хорошему тону» и получала небольшую пенсию. Уже в это время, а затем в эпоху Реставрации Ж. писала сентимент. романы из жизни светского общества, часто на историч. темы. Наиболее известны из них: «Мадмуазель де Клермон» («Mademoiselle de Clermont», 1802), «Герцогиня де Ла Вальер» («La Duchesse de la Valliegrave;re», 1804, рус. пер. 1804-05), «Мадам де Ментенон» («Madame de Maintenon», 1806, рус. пер. 1806), «Мадмуазель де Лафайет» («Mademoiselle de la Fayette», 1813, рус. пер. 1815-16) и др. Произв. Ж., легко и увлекательно написанные, с отчетливо выраженной нравоучит. тенденцией, были в свое время очень популярны, в т. ч. и в России. Ж. принадлежат также мало достоверные, но занимательные «Мемуары» («Mémoires», 1825).

- Жанлис Мадлен Фелисите
  - ○

Жанлис Мадлен Фелисите
Нѣчто о Графѣ Беньйовскомъ и Аглинскомъ Историкѣ Джиббонѣ

На сихъ дняхъ обѣдали у меня двое славныхъ людей, которыхъ я прежде лично не знала. Первый, Графъ Беньйовскій, извѣстенъ по заточенію своему въ Сибирь, а болѣе по странному освобожденію оттуда. Онъ очень малъ ростомъ, хромъ, не дуренъ лицемъ и находитъ секретъ разсказывать удивительныя свои приключенія самымъ скучнымъ и почти несноснымъ образомъ. Повѣсть его была бы очень занимательна въ устахъ другаго; но самая даже услужливость героя показалась мнѣ подозрительною. Едва успѣлъ онъ сѣсть, какъ, при первомъ моемъ вопросѣ, началъ свою исторію и разсказывалъ ее съ методой человѣка, повторяющаго что нибудь въ тысячный разъ. Признаюсь, что я не повѣрила ни одной подробности сей длинной повѣсти. Удивительнѣе всего показалось мнѣ, что онъ ввѣрилъ тайну свою осмнадцати человѣкамъ, изъ которыхъ ни одинъ его не предалъ, и всякой изъ заговорщиковъ думалъ, что никто, кромѣ его, ничего объ этомъ не знаетъ. Они чрезвычайно удивились, когда въ минуту изполненія увидѣли, что ихъ такъ много.

Другая особа, у меня обѣдавшая, былъ Англичанинъ Джиббонъ, очень хорошій Писатель, какъ говорятъ его соотечественники, но по моему мнѣнію, весьма худой Историкъ, болтливый и скучный вольнодумецъ, не имѣющій ничего оригинальнаго и повторяющій всѣ общія мѣста философическія. По сему то, безъ сомнѣнія, написавъ только одну толстую книгу въ четвертую долю листа, которая еще не переведена, и которую никто читать не будетъ, естьли она и переведется, Авторъ такъ у насъ прославился и такъ хорошо всѣми принимается. Философы превозносятъ его до небесъ, и надобно признаться, что они совершенно обладаютъ искуствомъ вводишь въ самое короткое время, и кого захотятъ, въ блистательнѣйшую славу. Говорятъ, что все то не прочно, что скоро сдѣлано; увидимъ, справедливо ли это, естьли доживемъ до старости!

Возвратимся къ Гну Джиббону: это малорослый, но притомъ чрезвычайно толстый человѣкъ; лицо у него удивительное; не льзя въ немъ различить ни одной черты. Носу и глазъ почти совсѣмъ не видно, также и рта; двѣ толстыя скулы поглощаютъ все; онѣ такъ широки, одутловаты и такъ далеко отошли отъ приличной щекамъ соразмѣрности, что всякой изумится, увидя

ихъ на этомъ мѣстѣ… Я описала бы однимъ словомъ лицо Гна. Джиббона, естьли бы дозволено было говоришь прямо, безъ фигуръ… Но о произношеніи его не возможно никакъ дать понятія. Онъ говоритъ такъ протяжно, такъ часто и странно измѣняетъ голосъ, что кажется, будто онъ поетъ. Онъ никогда не ведетъ связнаго разговора, но всегда говоритъ тирадами, либо дѣлаетъ дефиниціи и диссертаціи; не льзя дѣлать ему отвѣтовъ, потону что онъ все договариваетъ. Онъ знаетъ множество анекдотовъ о всѣхъ славныхъ людяхъ своего отечества; но разсказываетъ ихъ очень подробно и романическимъ, свойственнымъ ему языкомъ. Онъ другъ Гаррику, первому трагическому и комическому Актеру въ Англіи и которой самъ сочинилъ многія уважаемыя Драмы. Г. Джиббонъ разсказывалъ многія его приключенія Вотъ одно изъ нихъ, которое я очень сократила: Одна молодая, прекрасная и очень богатая вдова, пріѣхавъ изъ Провинціи въ Лондонъ, увидѣла въ первой разъ Гаррика въ Комедіи: Прекрасная Покаянница, въ которой онъ игралъ блистательную роль Лотарія. Вдова такъ плѣнилась Актеромъ, что вздумала выдти за него замужъ. Она позвала его къ себѣ и, въ жару энтузіазма, открылась ему въ своей склонности и обѣщала свою руку. На другой день поѣхала она опять въ Театръ; играли Комедію, подъ названіемъ: Виндзорскія кумы. Гаррикъ представлялъ шутовское лице Фальстафа. Молодая вдова увидѣла, что онъ такъ натурально представлялъ труса и глупаго подлеца, что Гаррикъ вдругъ ей опротивѣлъ и потерялъ отъ самаго разнообразія таланта своего прелестную и богатую невѣсту.

Говоря о Джиббонѣ, вспомнила я одинъ очень забавный объ немъ анекдотъ, слышанный мною отъ Гна Лозёна, которой увѣрялъ меня въ справедливости онаго, и мнѣ очень бы хотѣлось въ этомъ не сомнѣваться. Чтобъ лучше понять сей анекдотъ, прошу Читателя вспомнить описаніе, которое сдѣлала я о наружномъ видѣ Гна Джиббона. —

Г. Лозёнъ, будучи коротко знакомъ съ Гм. Джиббономъ, привезъ его однажды къ Гжѣ. дю Дефанъ, которая тогда была уже слѣпа и имѣла обыкновеніе ощупывать руками лица славныхъ людей, ей представляемыхъ, для того, чтобъ получить понятіе о чертахъ ихъ. Она не преминула оказать и Гну. Джиббону сей родъ лестнаго любопытства. Г. Джиббонъ протянулъ къ ней лицо со всевозможнымъ добродушіемъ, Гжа. дю Дефанъ, водя тихонько руками по сему широкому лицу, тщетно искала на немъ какой нибудь черты и не находила ничего, кромѣ двухъ уродливыхъ скулъ… Въ продолженіе сего экзамена, на лицѣ Гжи. дю Дефанъ изображалось крайнее изумленіе, и наконецъ съ сильнымъ

негодованіемъ отнявъ поспѣшно руки, она вскричала: вотъ самая гадкая шутка!!..

1804